

АНДРЕЙ СЕНЧУГОВ

Фантом

Издательские решения

Андрей Сенчугов

Фантом

«Издательские решения»

2014

Сенчугов А.

Фантом / А. Сенчугов — «Издательские решения», 2014

ISBN 978-5-4474-0129-0

Научная экспедиция перед Второй мировой войной доставляет из Тибета в Германию древний артефакт, благодаря которому был приготовлен эликсир бессмертия. Нацисты намереваются использовать его для создания военных подразделений, в которых будут служить люди, наделенные сверхспособностями. Но происходит утечка информации, а также пропадает эликсир. Тем не менее, участники эксперимента оказываются в нашем времени. Все, кому приходится приходится иметь с ними дело, проходят через опасные приключения и испытания...

ISBN 978-5-4474-0129-0

© Сенчугов А., 2014
© Издательские решения, 2014

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Андрей Сенчугов

Фантом

Глава 1

Хмурым декабрьским утром 1943 года черная штабная легковушка с трехлучевой звездой на капоте, надрываясь на ухабах, объезжая ямы и кочки, тащилась по извилистой заснеженной дороге. Позади остался оккупированный гитлеровцами русский городок, в котором находился штаб немецкой пехотной дивизии.

Едва слышно уныло выла печка, в автомобиле было тепло. Клонило в сон, но офицер по особым поручениям майор Курт Зиберт не расслаблялся – не позволяли обстоятельства: кожаный портфель, лежавший на коленях, давил грузом большой ответственности. Документы под грифом «Секретно» предстояло без промедлений доставить командирам полков. Начальник штаба дивизии полковник Вельц, перед тем как отправить подчиненного в дорогу, несколько раз ему напомнил, что командиры, чьи подразделения разбросаны на широком участке фронта, должны вскрыть конверты лично в его, майора Зиберта, присутствии, и далее обязаны строго следовать полученным предписаниям.

Штабной офицер, которому часто приходилось выполнять подобные поручения и действовать в роли курьера, получив приказ и по обыкновению отдав честь, позволил себе осведомиться о группе сопровождения. Но полковник ответил, что на этот раз в достаточном количестве вооруженной охраны, которая часто сопровождала Зиберта, не будет. И не потому, что обстановка в последнее время была относительно спокойной. Скорее уже наоборот. Несмотря на карательные операции двух батальонов СС, присланных не так давно для зачистки оккупированной территории от дерзких нападений партизан на гарнизоны немецких войск, подпольщики снова начали понемногу напоминать о себе и готовиться к активным действиям.

Из донесений агентуры следовало, что по ночам в окрестные деревни из лесов зачастили вооруженные люди для пополнения продуктовых запасов. Полковник Вельц был уверен, что к штабной машине на этот раз не нужно привлекать лишнего внимания. Поэтому достаточно и того, что её будет сопровождать мотоцикл с двумя стрелками. Такое сопровождение было привычным, и вряд ли автомобиль вызовет интерес у тех местных жителей, которые могут контактировать с партизанами. К тому же, документы будут зашифрованы и на их расшифровку, попади они к русским, потребовалось бы время. Берлин требовал без промедлений разработать план контрнаступления против русских и нанести им на этом участке фронта решительный удар. Документы содержали подробные планы взаимодействий войск, карты, инструкции.

Вельц был весьма опытным стратегом, способным на различные военные хитрости, за что высоко ценился командованием. Перед тем как послать Зиберта, накануне по такому же маршруту хитрый Вельц отправил две штабные машины с офицерами и десятью автоматчиками, которые должны были всем своим видом показывать, что выполняют какую-то очень важную миссию. Партизаны, в случае чего, не упустят такой возможности и предпримут, как это часто бывало, дерзкую попытку захватить офицеров в плен, чтобы выяснить, чем вызвана их активность и непременно завяжут бой. Если же колонна пройдет по опасному участку местности спокойно, то это будет означать, что партизаны еще недостаточно сильны для таких действий, и подобный отвлекающий маневр даст шанс Зиберту спокойно проехать этой же дорогой спустя несколько часов.

Вельц не ошибся в своих предположениях относительно пока еще слабой организованности партизан: машины спокойно проехали по маршруту и офицеры,

вернувшись, отрапортовали, что всё в порядке. Партизаны на «живца», что называется, не клюнули, скорее всего, из-за собственной слабости...

...Зиберт оглянулся. Через заднее стекло вдалеке еще виднелись неказистые постройки на окраине городка, который он покинул несколько минут назад. Обзор время от времени закрывали своими головами автоматчики, ехавшие на мотоцикле позади автомобиля и охранявшие штабную машину. Мотоцикл, вдруг, задержался, выпустил несколько раз большое облако дыма и остановился. Один из автоматчиков, сидевший в коляске и втянувший от колющего ветра голову в плечи, помахал рукой водителю Мерседеса, чтобы тот притормозил.

– Что там у них? – недоуменно спросил ефрейтор, сидевший за рулем машины. Он посмотрел в зеркало заднего вида и нажал на педаль тормоза. – Гер майор, у нашей охраны проблемы.

Зиберт приоткрыл дверь и уже слушал оправдательный доклад подбежавшего мотоциклиста о серьезной поломке:

– Гер майор! Разрешите доложить? Дальше ехать не можем. Скорее всего, вышел из строя карбюратор.

– Ну, так почините его! Сколько вам потребуется времени?

– В таких условиях на это уйдет не меньше часа. Если карбюратор засорился – это еще полбеды, а если закоксованы жиклеры, то это совсем плохо, запасных у меня нет...

– Черт вас возьми, Фидлер! Почему не подготовили технику к выезду?!

– Я докладывал командиру роты технического обеспечения обер-лейтенанту Францу о том, что мотор работает с перебоями и нужно заняться ремонтом или дать мне другой мотоцикл. Знаете ведь, наверно, гер майор: поломка всегда случается в самый неподходящий момент. Но обер-лейтенант сказал, что машина с запчастями прибудет только через два дня, а другой мотоцикл может понадобиться для другого дела...

– Какого еще другого дела?! Вашего обер-лейтенанта самого нужно посадить в седло, чтобы он на себе прочувствовал каково это – морозить сопли на морозе!

– Так точно, гер майор! Разрешите начать ремонт?

– Вот что, Фидлер... Хорошо, что мы отъехали не далеко. Немедленно бегом отправляйтесь обратно. Идите в штаб к полковнику Вельцу и передайте ему мою личную просьбу, чтобы он срочно приказал обер-лейтенанту выделить вам исправный мотоцикл. Затем догоняйте нас. Мы вас ждать не будем – на это времени нет. На обратном пути подберете ваших товарищей. Понятно?

– Яволь! Может быть, возьмете с собой в машину хотя бы одного автоматчика? Возьмите Вайса. Хороший солдат, сильный как медведь.

– Нет уж! Пусть дожидается здесь.

– Он бы вам не помешал, если что.

– Выполняйте команду, Фидлер, и перестаньте болтать!

– Яволь!

– Да... Захватите с собой кого-нибудь из механиков, пусть отгонят неисправный мотоцикл обратно.

– Яволь, гер майор!

– Всё, выполняйте приказ.

Фидлер убежал. Мерседес тронулся с места и поехал дальше.

– Этот обер-лейтенант Франц уже не первый раз нарывается на крупные неприятности, – осторожно заметил водитель. – Это, конечно, не моё дело и не мне обсуждать действия офицера, но его безалаберность порой раздражает.

– Знаю я кое-что о нём... Он раньше служил в тёплом местечке. Был заместителем начальника гаража в комендатуре. Однажды проявил халатность, которая привела к пожару в гараже. И если бы не его влиятельный родственник, то трибунала бы ему не избежать.

Но и родственник не всемогущ. Все что он мог сделать, так это, чтобы Франца сплавили с глаз долой. Так он попал на фронт. Да ну его, этого обер-лейтенанта...

– Не будем о грустном, гер майор.

– Не будем.

– Хотите, я расскажу о том, как я и мой товарищ Гюнтер за год до войны поехали отдыхать к его родственникам на ферму в Баварию?

– Ну, расскажи.

– Написал как-то ему дядя письмо. Приезжай, мол, племянничек, отдохнуть. У него там природа, лес, речка, вечерами посиделки с девушками. Гюнтер обрадовался, в ответном письме спросил разрешения приехать вместе с другом, то есть со мной. Дядя согласился, даже очень обрадовался. Как потом выяснилось, он ловко заманил нас к себе. Приехали мы туда, но отдыха так и не увидели. Пришлось трудиться на ферме от зари до зари.

– Почему? – улыбнулся почти успокоившийся майор. – Уехали бы и всё.

– Так-то оно так. Но насчёт девушек дядя не соврал. По соседству жили две сестры. Ох, и красавицы скажу я вам! Разве мы, здоровые парни, могли уехать, после того, как познакомились с ними?

– Ну и что было дальше?

– Дальше?... – ефрейтор вдруг напрягся и внимательно посмотрел на дорогу, даже прищурился. – Гер майор, видите, там, на дороге кто-то стоит?

Зиберт тоже обратил внимание на то, что в сотне метрах впереди стояли две худенькие невысокие фигурки.

– Останови-ка машину, Ганс, – приказал офицер и достал из кобуры пистолет.

Мерседес остановился. Немцы смотрели на дорогу перед собой и обдумывали положение.

– Партизаны? – неуверенно предположил ефрейтор.

– Не думаю. По данным нашей разведки партизанское движение понесло большие потери и о каком-либо сопротивлении с их стороны не может быть и речи как минимум в течение месяца. Ну а там... надеюсь, за это время мы поменяем дислокацию. Здесь недавно прошла наша колонна и никого не обнаружила.

– А много ли надо партизан, гер майор, чтобы заложить мину на дороге или издалека обстрелять одинокую машину?

– Не много, Ганс...

– Не лучше ли тогда подождать мотоцикл с автоматчиками, или вернуться от греха подальше?

– Ганс, мы с тобой не первый день вместе. Трусом я тебя никогда не считал. У меня приказ – ехать вперед, а не возвращаться, если вдруг что-то покажется. Времени мало. За день нужно чуть ли не полфронта объехать.

– Дело не в том, боюсь я или нет. Кругом война. А мы на оккупированной территории. Нужно соблюдать осторожность.

– Не учи меня осторожности, ефрейтор. Заводи машину и поехали!

– Слушаюсь, гер майор.

Машина медленно поехала вперед. Ефрейтор на всякий случай положил на колени автомат, майор держал наготове вальтер.

– Смотри, Ганс. Это же мальчишки! Простые мальчишки. Замерзли, наверное, – усмехнулся Зиберт, когда машина подъехала к стоящим на дороге подросткам. Это действительно были двое пацанов двенадцати-тринадцати лет невысокого роста, причем один был на голову выше другого. Тот, что ниже, стоял, опираясь на костыли. Вместо одной ноги в штанине, нелепо подвязанной веревкой, висела култя. Мальчишки имели жалкий вид, потрепанная одежда мало спасала продрогшие от холода тела. Мороз пробрал их до костей. Подросток, который

был выше, отогревал дыханием замерзшие ладони и делал знаки водителю, чтобы тот остановил машину.

– Притормози, Ганс, – приказал офицер и открыл дверь. – Что вам нужно? – спросил он с акцентом на русском языке.

– Дяденьки, довезите нас до Осиновки. Ну, пожалуйста. Мамка ругаться будет, – заканючил тот, что был повыше.

– Осиновка? Гут, хорошо. Залезайт, шнеля.

Мальчишки, получив разрешение, радостно заулыбались и залезли на заднее сиденье.

– Гут? Руссия, зима: у-у-у, холодно, – засмеялся майор и убрал пистолет. Он достал из кармана плитку шоколада и передал мальчишкам. – Поехали, Ганс.

Ефрейтор недовольно поморщился. Ему не понравилось, что офицер проявил излишнюю жалость к детям, отцы которых, возможно, партизанили в местных лесах.

– Зачем мы подобрали этих вшивых щенков, гер майор?

– Дети не виноваты, Ганс, что взрослые развязали войну. В первую мировую я вряд ли был старше их. Но помню, как русский солдат там, в Европе, когда мы с матерью были в эвакуации, сжалился над нами и протянул каравай хлеба и шмат сала. Так-то вот... Ну, так ты не закончил историю о том, как вы с другом отдыхали на ферме.

– На ферме? – в задумчивости спросил ефрейтор. – Ах, да...

Он продолжил рассказывать о своих незамысловатых довоенных приключениях. Увлеченные беседой, немцы не заметили, как позади отогревшиеся мальчишки переглянулись и слегка подмигнули друг другу. Один из них осторожно положил руку в карман плохонького тулупчика, а другой полез за пазуху своего драного пальтишки.

Как по команде они выхватили по небольшому пистолету и ловко передернули затворы. Военные не могли не понять значения лязгающих звуков и в недоумении полуобернулись назад. Ефрейтор процедил сквозь зубы ругательства и остановил машину. В ту же секунду почти одновременно раздались два оглушительных выстрела. Одна пуля разворотила водителю голову. Он упал на руль и, конвульсивно дернувшись, затих. Другая пуля оцарапала щеку майору и пробила ветровое стекло. С головы упала фуражка, обнажив седые не по возрасту волосы. Его голубые глаза ошалело посмотрели на мертвого ефрейтора, потом на подростков.

– Колька, стреляй! – то ли от страха, то ли от желания перекричать звон в ушах срывающимся голосом истерично завопил одноногий. – Стреляй, Колька-а-а!

От этого вопля Колька, очнувшись, вздрогнул и судорожно, закрыв от волнения глаза, нажал на спусковой крючок. Но за мгновение до этого офицер успел опомниться, распахнул дверь и вывалился из автомобиля. Стая ворон, сидевшая на деревьях, испуганная шумом, тревожно взмыла в небо. Пуля с визгом пронеслась от головы Зиберта совсем рядом. Он быстро вскочил на ноги и, крепко держа портфель одной рукой, а другой, вытаскивая из кобуры вальтер, побежал к молодому дубу. Пацаны проворно выскочили на дорогу, при этом одноногий едва не упал, но успел подхватить костыли. Вдогонку офицеру громыхнули выстрелы.

Резкая боль в ноге, в которую вонзилась одна из пуль, заставила майора споткнуться. Он вскрикнул и упал, затем быстро перевернулся на спину. Отталкиваясь от земли здоровой ногой и рукой, в которой был зажат портфель, неловко попятился, чтобы спрятаться за дуб, оставляя полоску кровавого следа на снегу. Поняв, что не успеет, да и дерево – укрытие ненадежное, поймал на мушку мальчишек. Еще несколько секунд и с подростками было бы покончено. Будь на его месте кто-то другой, менее сентиментальный, так и было бы. Но стрелять по детям, даже в условиях смертельного для себя риска Зиберт согласно собственным убеждениям не смог. Эти убеждения были непонятны многим его сослуживцам, считавшим Зиберта излишне мягким на войне. Зиберт, прикусив губу, опустил пистолет. Появилось чувство нереальности происходящего. Слезились глаза от попавшего в них снега. Маячившие неясные

очертания стремительно увеличивающихся фигур прибавили ощущений какого-то кошмарного сна. Молоточки пульса яростно колотили по вискам.

Подростки, тем временем, приблизились, и в каком-то диком, безумном остервенении, уже совсем не отдавая отчета своим действиям, почти в упор, пока не закончились патроны, расстреливали немца, словно некое существо, воплотившее в себе всё то зло, которое незвано пришло на чужую землю, принеся с собой несчастья и невзгоды. И вот, наконец, наступил час расплаты...

Снег под Зибертом стал красным от крови. Он сделал последнюю безуспешную попытку приподняться. Печальные глаза неподвижно уставились в небо, ежик седых волос слился с белым снегом...

Колька первым пришел в себя, нагнулся, с трудом вырвал из закованных судорогой рук трупа портфель. Впечатлительный одноногий брат, выйдя из оцепенения, неожиданно по-детски зашмыгал носом и всхлипнул.

– Чё, Мишка, нюни распустил? Фашиста стало жалко? А себя не жалко было, когда осколком ногу оторвало? А мамку нашу, снасильничатую фрицами, не жалко? А батяню? Его полицаи не пожалели и также вот как мы этого, – ломающимся в этом возрасте голосом с надрывом, но как можно суровее спросил старший брат, тем не менее, готовый и сам в любой момент расплакаться.

Мишка в ответ глубоко с переборами вздохнул, дрожащей покрасневшей на морозе рукой небрежно сунул пистолет в карман, размазал на впалых обветренных щеках слезы и заковылял прочь, тяжело опираясь на костыли. Колька, пересилив нарастающий страх и брезгливость, проверил карманы убитых немцев, вытащил документы, забрал оружие, догнал Мишку, пошёл рядом. Через минуту они, не сговариваясь, остановились и одновременно оглянулись.

На извилистой дороге стоял автомобиль. Одно из колес, медленно вращаясь, висело над обочиной, двери распахнуты, виднелась безжизненная рука водителя. Кружили, бешено каркая, вороны...

Шестьдесят пять лет спустя.

На огромной территории авторынка люди слонялись между длинными рядами машин. Одни, как это водится, хотели продать, а другие купить.

– Да, Паша, зря мы сюда приехали, – двое мужчин среднего возраста остановились перед ларьком, чтобы перекусить. Купили напиток, булочки и сели за столик.

– Ну почему же зря? – удивился один из них. – Ты давно собирался посетить рынок, чтобы всё увидеть своими глазами, прицениться.

– Собирался... Сам, знаешь, сколько у нас с Любашей денег. На хорошую машину не хватит, а рухлядь мне не нужна. Слава богу, свою «шиху» еле-еле спихнул.

– Да не расстраивайся! Вот если бы мне нужна была машина, я бы поступил так: нашел бы подходящий аппарат в каком-нибудь автосалоне и оформил кредит. Вот и ты возьми.

– Да за такие проценты нужно несколько лет себе во всем отказывать!

– Ну, а как ты хотел, Лёха? – спросил Павел, проглотив кусок.

– Да знаю я всё. Просто хотелось себя успокоить.

– Понимаю...

– Эх, Пашка, лучше бы я свою развалюху не продавал. Подремонтировал бы малость и еще пару лет покатался, а там, глядишь, и кредиты бы подешевели...

– Ты бы на своей «шестерке» и года бы не проездил. После всего, что она пережила, не долго ей осталось колесить по дорогам и ухабам.

– А что? Разве плохая была машина? Помнишь, как мы на ней и на рыбалку и на охоту... Да по такому бездорожью!

– Вот-вот: по бездорожью. Поэтому она и загнулась у тебя раньше времени.

– Ничего себе: раньше времени! Десять лет её... и в хвост и в гриву.

– Ну и не продавал бы тогда! Зачем продал-то? А теперь другой человек на ней поедит и развалится она у него! Будет потом вспоминать тебя недобрым словом.

– Не будет. Я ему, между прочим, сразу сказал, какие недостатки у моей ласточки.

– «Ласточка»! Тоже мне. Жалко тебе развалюху стало.

– Ничего ты не понимаешь, Пашка! Она как член семьи была. Уж лучше на развалюхе ездить, чем ни на чём.

– Наверное, ты прав, Лёха. У меня никогда не было такого члена семьи. Ты ведь знаешь – не мое это дело баранку крутить. Не тянет и всё. Пассажиром вот люблю, а за руль садиться – нет ну никакого желания! Да... нынче видно мы с тобой на рыбалку на электричке поедим, а потом пёхом километров десять до воды... Ну, что, еще разок по рынку прошвырнемся?

– Ну, давай. Только стоит ли? Уже два раза обходили из конца в конец.

Они еще больше часа слонялись по авторынку, рассматривали машины, интересовались ценами, но так ничего и не выбрали.

Алексей, устав за день, пришел домой.

– Ничего подходящего нет, Люба, – пожаловался он жене, сев за стол.

– Ладно тебе, не расстраивайся. Деньги лучше на мебель потратим, менять уж её пора. Съездим к свекру на день рождения и потом обстановкой займемся.

– На чём съездим?

– Да на автобусе! Клином что ли мир сошелся на машине, Лёша? Кроме машины есть на чём ездить.

– Это ты сейчас так говоришь. А потом сама стонать будешь: «Ой, сейчас бы машину!» Ты всегда так говорила, когда машина была не на ходу, а ехать куда-нибудь нужно было.

– Ну и не продавал бы тогда!

– Это я уже от твоего брата слышал.

– Пашка не дурак и правильно говорит. А тебе жить – не жить, а другая машина понадобилась. Вот и сам не стони теперь!

Глава 2

– Я пришел, Всевышний, – едва слышно проговорил Лакхпа и низко поклонился.

– Проходи, – последовал ответ бога.

Лакхпа готов был поклясться, что опять услышал этот голос не ушами – слова раздавались в голове молодого шерпа. Во мраке темной пещеры было по-прежнему тихо, лишь где-то в глубине её со свода падали в воду тяжелые капли.

– Ты принес, что я просил? – речь бога была тверда как железо, но одновременно спокойна и приятна для восприятия. Хотелось слушать и слушать, и беспрекословно ему подчиняться.

– Да, Всевышний. Я принес всё, что ты просил, – Лакхпа еще раз поклонился и поставил возле себя корзину.

– Хорошо. Иди за мной.

От стены отделилась бесформенная светившаяся фиолетовым излучением фигура, слабо напоминающая человеческую. Лакхпа вздрогнул. Ещё мгновение назад там никого не было – только черная гладкая стена, а теперь он видел ЕГО! Бог плавно проплыл по воздуху в глубь пещеры. Лакхпа как замороженный, испытывая неимоверное благоговение, пошел следом.

– В прошлый раз ты говорил, что многие люди из твоего племени болеют. И что этот год выдался неудачным – у вас почти не осталось зерна, младенцы пухнут от голода, мужчины из последних сил тщетно ходят на охоту в надежде раздобыть мясо, так как своих животных вам пришлось съесть.

– Все так о, Великий!

– Я дам тебе то, что спасёт твое племя от голодной смерти, Лакхпа.

– О, Великий! – шерп, воскликнув, упал ниц, держась из последних сил, чтобы не потерять сознание от переполнявших чувств.

– Поднимись, Лакхпа. Возьми пустую чашу, которую ты принес и насыпь в нее порошок, – бог указал, с какого места нужно было взять. Когда придешь домой, смешай содержимое чаши с десятью чашами воды. И тем, что получится, накорми племя. Это вылечит вас от болезней. И избавит от голода как минимум на две полные луны. Этих дней вам хватит, чтобы пережить тяжелое время.

– Не гневайся о, Всевышний! Но разве этого хватит на всех?

– Даже останется. Порошок впитает в себя воду и получится что-то вроде теста, но его будет так много, что хватит всем. Когда вы употребите это в пищу, то надолго забудете о голоде. Ваши болезни исчезнут и вернутся силы. Верь мне, Лакхпа.

– Да, Всемогущий!

– Придешь ко мне через две ночи. С собой ничего не бери. Ты останешься здесь со мной на шесть полных лун. Я многому научу тебя, Лакхпа, передам тебе много знаний. Тебя будут почитать твои соплеменники, передавая из поколения в поколение твое имя...

Через два дня Лакхпа снова переступил порог пещеры. В третий раз. А впервые он это сделал семь дней назад. В тот вечер он и мужчины его племени усталые возвращались с охоты домой, когда небо вдруг осветил огненный дракон, который то быстро, то замедляясь, опускался на горное плато. Дракон, теряя куски своего тела, падал с оглушительным воем и разрывающим душу стоном.

Охотники были сильно напуганы потрясшим их видением. Самый старший из них – Дава, высказал предположение, что это сам Великий бог Вишну, сидя верхом на драконе и, облетая землю, по какой-то неведомой причине упал с небес. Плохой нынче выдался год! Не только урожай не уродился и замучил голод, но даже Великий Вишну терпит несчастье. Значит, быть еще большей беде!

С ним согласились, кроме одного. Молодой шерп по имени Лакхпа, выслушав старших соплеменников, робко заметил, что, возможно, Вишну нуждается в помощи, и если пойти туда, и помочь ему, то от этого будет большая польза – бог отблагодарит их. Мужчины надолго замолчали, обдумывая его слова, пока Дава ни высказал предположение, что Вишну, возможно, очень сердит из-за того, что пришлось упасть с неба и не стоит попадаться ему под горячую руку. Увидев людей, он может прийти в ярость и даже убить их или отдать на съедение дракону, которому нужны силы, чтобы снова подняться на небо.

Эти доводы всем показались более чем убедительными, и решено было возвращаться домой. Но Лакхпа решил поступить по-своему и пойти на поиски бога. Охотники не стали его отговаривать: если хочет, пусть идет, стало быть – так и надо. Только пускай будет предельно осторожным.

Лакхпа ушел один. Долго ходил он или мало – об этом по-разному говорится в шерпских легендах. Но, поднявшись на очередное горное плато, он обомлел от увиденного! Перед его взором в своем великолепии предстал огромный переливающийся серебристым цветом дракон, неподвижно лежавший на брюхе среди камней и вытянувший короткую приплюснутую шею. Широкие у основания и постепенно сужающиеся красивые крылья были распластаны в стороны. Его вид заметно отличался от тех описаний летающих драконов, что жили в преданиях людей, но Лакхпа не сомневался – это и есть дракон. Иначе, кто еще такой большой может летать по небу?

Великого Вишну нигде не было. Разве что он решил зайти в пещеру, едва заметный вход в которую был рядом? Лакхпа осторожно заглянул в неё, но никого не увидел. Зато вдруг услышал в голове голос, так сильно испугавший шерпа в первые мгновенья. Лакхпа распластался на полу и просил не гневаться и не убивать его. Он пришел сюда и потревожил бога только с одной целью – помочь. Невидимый Вишну не стал на него сердиться, лишь задал много вопросов. А потом отпустил Лакхпу с миром, взяв с него клятву, прийти сюда одному через несколько дней. Лакхпа, не прекращая твердить слова благодарности и кланяться в темноту (как ни вглядывался, он не видел Великого Вишну), покинул пещеру, не забыв на прощанье благоговейно поклониться также и дракону...

Люди из племени в изумлении выслушали рассказ вернувшегося Лакхпы. Через две ночи Лакхпа ушел из селения, а когда вернулся, люди осторожно попробовали приготовленное снабдьё, которое принёс парень. Еда оказалась на удивление вкусной. Её хватило всем и ещё много осталось. Уже на следующее утро вопли радости и удивления обуяли племя – язвы и болячки бесследно пропали, перестали болеть животы, затянулись раны и даже у многих стали расти новые зубы взамен сгнивших и выпавших.

Помня о данном обещании и не смея ослушаться, Лакхпа засобирился обратно. Он вернулся через полгода, приобретя мудрость, которая, казалось, не знала границ, и способность лечить, даже тяжелобольных. Проведя некоторое время среди людей, он ушел от них, сказав, что дал обет служить Вишну по его просьбе. И что бог решил остаться на земле на неопределённое время – потому что его дракон очень сильно ударился о скалы, умер и вскоре растаял как снег, а другой ещё не вырос и не окреп на заоблачных пастбищах и не набрался достаточно сил, чтобы прилететь за Всевышним и забрать его на небо. Поэтому Лакхпе выпала великая честь находиться рядом с Вишну и быть его слугой. Лакхпа будет жить в далёкой пещере много-много лет, пока бог будет ждать молодого дракона. А Вишну, чтобы ему было легче перенести тоску по небесному царству и скоротать время, превратился в многогранный красивый камень, который должен теперь находиться под охранной Лакхпы.

Как гласила легенда, эти события произошли за тысячу лет до нашего дней...

1938 год, Тибет

Шёл снег, перерастая временами в крупные хлопья. Перед тем как откинуть полог одной из пяти колыхающихся на холодном ветру палаток, профессор Вольдемар Шиманский окинул усталым взором свой небольшой лагерь, расположившийся на небольшом сравнительно ровном участке. Профессору было двадцать шесть лет. Но, несмотря на молодые годы, он добился профессорского звания неспроста и был весьма разносторонне развитым человеком.

В палатке было заметно теплее – всё-таки не зря они взяли с собой большее количество козых шкур, чем планировалось, на которых лежать было гораздо теплее. Да и лишний груз особо не досаждал: проводники-шерпы не по-людски выносили, тащили поклажу на себе. Заканчивались седьмые сутки научной экспедиции, организованной под личным контролем самого фюрера. Цель экспедиции – разгадать тайну эликсира вечной молодости.

Тайна вечной молодости, бессмертия, потусторонняя жизнь, различного рода мистика не давали покоя руководителям Третьего Рейха. Они были одержимы мыслью вторгнуться в неведомое, в то, что находится за гранью понимания обычного человека, и что сможет сделать их сверхлюдьми. Фюрер с его безграничной властью позволял организовывать авантюрные экспедиции в различные части света, скрывавшие неразгаданные тайны – будь то высокогорные районы планеты, трудно проходимые амазонские джунгли или вечные льды Антарктики...

– Выпейте горячего кофе, профессор, – повернувшись к Шиманскому, предложил низким голосом, которым он привык отдавать команды, угрюмый коренастый крепыш Роммингер. – Пауль, налейте профессору кофе!

Один из трёх унтер-офицеров, деливших с руководством экспедиции места в этой палатке, не замедлил выполнить приказание майора. Двое других, и научный помощник Эрлих Вяльбе мирно похрапывали, укрывшись с головой одеялами.

– Как вы думаете, господин Шиманский, через сколько дней мы будем на месте? – поинтересовался Роммингер. Он спрашивал не из любопытства. Майор не любил задавать лишних вопросов, и не из страха перед голодной смертью, и не перед угрозой оказаться погребённым под снежной лавиной. К разного опасностям он успел привыкнуть за то время, что носил погоны. Ему нужно было правильно рассчитать силы экспедиции, за безопасность которой он отвечал, хотя формально начальником экспедиции являлся совсем ещё молодой профессор. Перед Роммингером была поставлена задача: всячески способствовать выполнению научной частью экспедиции (в лице профессора и его помощника) своих функций, оберегать их в пути, обеспечивать физическую защиту, материально-техническую поддержку. Небольшая армия Роммингера состояла из двадцати пяти человек – крепких, выносливых и отлично подготовленных военнослужащих из Горной стрелковой дивизии «Эдельвейс».

Военные, организовав охранение лагеря по всем правилам военной науки, расположились на отдых. Помощник Роммингера – капитан Шульц, проверив посты, отряхивался от снега перед входом в палатку.

– Гер майор, оружие в целости и сохранности, люди накормлены, охрана выставлена! – доложил вошедший капитан.

Роммингер кивнул головой, приняв доклад к сведению. Он хотя и понимал, что им здесь навряд ли кто может угрожать, но всё-таки, считал, что военному подразделению не пристало терять лицо в любой обстановке, даже самой мирной.

– Я думаю, господин Роммингер, мы не далеки от цели, – ответил на вопрос майора профессор Шиманский. – Проводники свое дело знают. Они сказали, что снег и разыгравшаяся метель – это не существенное препятствие на пути. Но впереди большой и трудный перевал. Лишь преодолев его, путь будет завершён.

– Насколько будет труден перевал, они не сообщили? – спросил Роммингер.

– Достаточно труден. Сикх сказал, что будет очень нелегко. Он даже на своих людей мало надеется, а ведь они родились в этих горах, – ответил Шиманский, который сносно мог общаться с шерпами.

– А считаете ли вы, профессор, что шерпам можно доверять, особенно их предводителю по имени Сикх? – вдруг спросил Роммингер.

– Как вам ответить? – Шиманский задумался. – Конечно, они достаточно скрытны и обособленны, но, согласитесь, свою работу выполняют хорошо – несут много вещей, помогают солдатам, отлично ориентируются. К тому же, тех денег, которые они от нас получают, для их непритязательного быта им хватит надолго.

– А я вот не склонен доверять этим аборигенам, – усмехнулся Роммингер. – И не трудно понять почему. Они ведь, наверняка догадались, что мы ищем в горах. А это, насколько я осведомлен, является частью их культуры и религии. И они вряд ли с легкостью позволят чужакам посягнуть на святое. Не так ли, уважаемый профессор?

– Возможно и так. Будем надеяться, что козни они, всё-таки, строить не будут.

– Одной надежды мало. Хорошо, что у меня есть более двух десятков лучших бойцов дивизии. Не так уж много, конечно, но они тоже своё дело знают, если что.

– Мне кажется, вы преувеличиваете опасность, майор, – засмеялся Шиманский.

– Ну-ну, – хмыкнул Роммингер и отвернулся...

Поздней ночью лагерь бы разбужен автоматной очередью. Услышав стрельбу и тревожные окрики часовых, офицеры, подняв солдат, быстро организовали круговую оборону.

– Что случилось? – спросил Роммингер, выбежав из палатки и на ходу заряжая автомат.

– Часовой Миллер заметил странное передвижение двух незнакомцев, – докладывал подбежавший капитан Шульц. – Миллер окрикнул их, спросил пароль. Но они в ответ только издали звуки на непонятном языке. Миллер предупредил, что откроет стрельбу, если те не остановятся. Но незнакомцы не повиновались. К тому же, один из них бросил в сторону часового большой кусок льда. Тогда Миллер начал стрелять и одного прикончил, другой убежал.

– Очень плохо, Шульц! Если наши люди начинают стрелять на поражение, то должны это делать так, чтобы никто не смог убежать! Вам понятно? – зарычал Роммингер.

– Так точно!

– Миллеру ничего не показалось странным?

– Показалось, гер майор. Эти люди были очень крепкого сложения и большого роста.

– Вы рассмотрели убитого?

– Считаю, что нужно дождаться рассвета, гер майор. Вполне вероятно, что в темноте можно нарваться на засаду.

– Хорошо. Усильте бдительность, капитан.

На утро все с удивлением рассматривали убитого ночью непрошенного гостя. Человек ли это или неизвестный науке огромный зверь – было непонятно. Одежды на нём не было, что и дало повод думать, что это, всё-таки, зверь. Длинная бурая шерсть по всему телу, свирепое заросшее лицо с выступавшими крепкими зубами, большие надбровные дуги, объёмистые конечности, свидетельствующие о невероятной силе, лишь подтвердили это мнение. Но человеческого в нём было едва ли меньше. Этаким неандерталец-гигант.

– Что скажете, профессор? – спросил Роммингер, с любопытством склонившись над трупом.

– Это существо не изучено наукой, – ответил Шиманский, внимательно рассматривая труп. – Я слышал о якобы обитающих в гималайских горах гигантских обезьяноподобных людей. Но слухи эти не были подкреплены доказательствами. Вероятно, живущие в Гималаях народности знают об этом больше, чем мы – цивилизованные люди. Давайте-ка спросим у проводников, – профессор кивнул в сторону шерпов.

Сопровождающие экспедицию шерпы топтались чуть поодаль и с удивлением, граничащим с ужасом, смотрели на убитого. Затем один из них осторожно приблизился, внимательно посмотрел на существо и тут же отбежал обратно, в испуге закричав:

– Йети! Йети!

Обычно молчаливые шерпы на этот раз стали громко разговаривать, размахивать руками, обсуждая происшествие. Старший их них – Сикх старался всех перекричать. Все замолчали, слушая его. Потом гвалт поднялся с новой силой. Наконец, Сикх отошел от них, приблизился к Шиманскому и Роммингеру и стал взволнованно что-то говорить.

– Они не хотят идти дальше, – перевел речь испуганного не на шутку шерпа профессор. – Сикх сказал, что мы убили существо, называемое горскими племенами – йети, которому покровительствуют духи гор, поэтому быть теперь большой беде. Духи разгневаются и всех людей до единого уничтожат.

– Что за чушь, профессор! – возмутился майор. – Скажите этому дикарю, что это всего-навсего обезьяны, обитающие в горах и пока еще не изученные наукой.

– Я уже сказал ему примерно то же самое.

Сикх, вдруг, в ответ разразился длинной речью, что было за все время экспедиции очень необычным поступком с его стороны.

– Шерпы уверены, что если мы пойдем дальше, то все погибнем, – кратко перевел смысл его слов Шиманский.

– Это я уже слышал, – недовольно произнес Роммингер. – Передайте ему, что они не должны нас бросать. И ещё пообещайте, что когда мы вернёмся, то их гонорар за дерьмовую работу будет увеличен на четверть.

Услышав от профессора об увеличении платы, Сикх задумался, что-то соображая, потом ушёл к соплеменникам. На этот раз разговор между ними был более спокоен. Лишь один из них отошёл в сторону, быстро собрал кое-какие вещи и пошёл прочь.

– Куда это он пошёл? – спросил Роммингер.

Шиманский перевел ответ Сикха:

– Этот шерп был напуган больше остальных и поэтому решил вернуться домой.

– Ну и дьявол с ним! – выругался майор. – Безмозглые аборигены! Грязные, недисциплинированные дикари! Как бы он сам на обратном пути не попал в руки этих горилл!

Позавтракав, отряд был снова в готовности преодолевать дальнейший путь. Впереди всех шел Сикх, с ним рядом ещё двое шерпов, за ними, также цепочкой, горные стрелки, экипированные соответствующей амуницией. Среди военных уверенной поступью продвигался Роммингер. Рядом с ним – научная группа в лице профессора и его ассистента. Замыкали группу двое шерпов, также как их сородичи, невероятно нагруженные поклажей, которая, казалось, не придавала им особых неудобств.

Последний перевал дался экспедиции очень нелегко. В условиях высокогорья и разреженного воздуха люди были крайне измотаны. Шли, еле переставляя ноги. Все чаще делали привалы. Сикх торопил – задерживаться нельзя, угрожала очень большая опасность от схода лавин. Но как бы он не предостерегал, одна из них всё же задела отряд – трое солдат были погребены под тоннами снега. Через несколько часов после этой потери случилась другая – проводник и двое горных стрелков сорвались в обрыв. Их отчаянные крики поглотила туманная бездна ущелья. А спустя еще некоторое время не удержались на почти отвесном склоне ещё один стрелок и один шерп.

Мрачнейший час от часу Сикх что-то бормотал на своем языке, качая головой и повторяя слово «йети». Люди были близки к отчаянию, но мужественно переносили трудности. Профессору Шиманскому и его помощнику Вяльбе было, наверно, труднее остальных – у них не было той подготовки, которую прошли горные стрелки, но они тоже держались молодцом...

Глава 3

Ранним воскресным утром в квартире Мельниковых надрывался телефон. Вставать и идти к нему никому не хотелось. Люба спрятала голову под подушку. Алексей, не открывая глаза, долго ворочался, надеясь, что звонивший пощадит сон хозяев. Но тот, кто хотел позвониться, был упрям, и пришлось сдаться его настойчивости.

– Ало, – спросонья промямлил Мельников в трубку, навалившись плечом на стену.

– Лёха! Привет! Спите ещё? – на том конце провода раздался радостный голос шурина.

– А... это ты? На часы смотрел? Или тебя бессонница мучает?

– Да я не просто так звоню, сурок ты этакий.

– Чего не просто так, Пашка?! Дал бы поспать ещё пару часиков!

– Эх ты, сейчас упадешь от радости!

– С какой еще радости?

– Короче, слушай. У нас на кафедре мужик работает. Преподаёт французский. Собирается с семьёй уехать за границу, то ли в Канаду, то ли в США, но это не важно. Важно то, что есть у него машина – Мерседес. Говорит – почти новый!

– Ну и...

– Так вот, он знает, что ты ищешь машину, и хочет тебе продать свою. И знаешь за сколько? Ни за что не согласишься – за десять тысяч!

– Баксов, что ли? Что-то мало будет.

– Нет, старик, не баксов – рублей!

– Слушай, Пашка, если ты хотел пошутить, то шутка твоя тупая, не даёшь выспаться в выходной день. Да и вообще, откуда он меня знает?

– Да нет же, старик, я не шучу! Мужик этот врать не любит, хотя, если честно признаться, немного странноватый, особенно в последнее время.

– Вот-вот, слушаешь бредни всяких сумасшедших. Ладно, всё... Я ещё, может быть, усну.

– Подожди, не вешай трубку. Я ему пообещал, что мы подъедем сегодня и посмотрим. Чем чёрт не шутит? Лёха...

– Да иди ты! – Мельников бросил трубку и выдернул из розетки шнур.

... – Вот здесь он и живёт, – Павел зачем-то посмотрел по сторонам и постучал костяшками пальцев по калитке. Он, всё-таки, вытащил Мельникова из дома, чтобы вместе с ним посмотреть машину. За высокими воротами неохотно и как-то затравленно забрехала собака. Через некоторое время послышались шуршащие по дорожке шаги.

– Пришли уже? – калитку открыл заросший щетиной мужичок лет пятидесяти и от чего-то усмехнулся. Он был одет по-домашнему: в спортивных штанах, майке, шлёпанцах на босу ногу. – Ну, заходите.

– Борисыч, а где твой «мерин»? – спросил Павел, переходя сразу к делу.

– Где, где? Где же ему быть-то, странный ты человек, мон шер? В гараже конечно! Сейчас выгоню во двор, подождите чуток, – мужичок устало поковылял к гаражу, ворчливо разговаривая вполголоса, как будто сам с собой:

– Он еще спрашивает: «где?!» Да там же всё! Где-где?! Да разве его можно оставлять под открытым небом? А вдруг это... того: дождик там, или снег, не дай, бог... Ну и что – июль на дворе? Однако всё может случиться. Как потом быть? Башка у меня, однако, не железная...

– Чего это он? – недоуменно спросил Алексей.

– Не обращай внимания. Я же тебе говорил, что он немного странный. Это даже к лучшему – мерс чуть ли не бесплатно отдаёт, – жизнерадостный Павел, как обычно был в хорошем расположении духа.

– Да, но может он того... больной на голову? А я, пользуясь этим, решил купить так дешево у него машину. Слушай, а может он пошутил? Или ты чего-нибудь не понял? Сейчас вот выгонит машину из гаража и назовёт истинную цену. Вот тогда я посмеюсь над тобой, лопухом.

– Я, Лёха, нормальный человек. И несколько раз переспрашивал его насчёт цены. Не думаю, что он откажется от своих слов.

– Но ты же видишь – он не совсем нормальный. Разговаривает сам с собой. Заметил, как у него глазки бегают, как будто бы чего-то боится? От такого всего можно ожидать. Признают потом куплю-продажу незаконной, потому что хозяин машины был незыблемым...

Их разговор прервался, когда они увидели, как из гаража почти неслышно выехал Мерседес серебристого цвета. Хозяин вырулил на середину двора, вышел из автомобиля и отошел на несколько шагов. Как будто бы вдруг, что-то вспомнив, хлопнул себя руками по бокам и поспешил обратно к машине.

– Конечно-конечно, козёл я безмозглый! А как же!.. – Борисыч округлил глаза, взял ветошь и забегал вокруг Мерседеса, стирая невидимую пыль со сверкающего кузова.

– Слушай, Борисыч, мы с другом решили ещё раз цену на машину уточнить, – осторожно спросил Павел, уже сам засомневавшийся в нормальности Борисыча.

– Ты чего, Пашка, мон шер, несуразный такой, а? – Борисыч злобно оглянулся и вперился в Павла покрасневшими, как будто бы, от недосыпания глазами. – Я же тебе несколько раз говорил: десять тысяч рублей. Понял?!

– Ага. Понял.

– А товарищ твой понял?

– Ты понял, Лёха? – перевел взгляд на друга Павел.

– А почему так недорого? – недоумевал Алексей.

– Эх, чудак-человек! – не понятно от чего усмехнулся Борисыч и почесал ухо. – Потому что тебе продаю.

– Это для меня, выходит, исключение, потому и недорого?

– Ну конечно, мон шер! Так надо, поверь!

– Кому надо?

– Кому-кому? Вот пристал, а! Понравился ты мне. Верить? Сам не знаю почему. Вот понравился и всё! Пашка рассказал мне про тебя, и я на следующий день решил, что продам тебе этого красавца. Нравится машинка? Ну, тогда забирай, чего тут долго размусоливать? Да ты это, мон шер... не думай, что я придурок какой-то там или что-то в этом роде. Не бойся – назад не заберу. Всё без подвоха, честное слово, ну!

Павел толкнул Алексея и, округлив глаза, чуть слышно процедил сквозь зубы:

– Да чего ты растрепался, Лёха?! Бери, пока он не передумал. Смотри тачка, какая! Локти потом кусать будешь!

– Ладно-ладно. Беру, – согласился Мельников, поморщившись от настойчивости Павла и непонятного странного Борисыча. – Когда переоформлять будем? Может, завтра?

– Зачем же откладывать? – встрепенулся Боричыч. – Сейчас и поедем. Государство, слава богу, повернулось к народу лицом – сделки по машинам оформляет в любой день. Подождите, я переоденусь.

Борисыч, что-то бурча под нос, проворно удалился, оставив друзей любоваться сверкающим автомобилем. В доме послышался женский плач.

– Кто это там плачет? – шёпотом спросил Алексей.

– Жена, наверное, – также шёпотом ответил Павел.

– Чего это она?

– Не знаю... Странная семейка, скажу я тебе. Еще недавно Борисыч был другим. А потом получил в наследство квартиру. Продал её и купил на все деньги эту игрушку. Давно, говорит,

мечтал о таком автомобиле. Да вот вскоре после покупки чего-то испортился наш Борисыч. Стал замкнутым и нелюдимым, от всех отвернулся, много времени проводит с машиной. Даже с лекций иногда ни с того ни с сего убегает, чтобы лишний раз на мерс посмотреть. Вот, видимо, и свихнулся. Но потом, вдруг, решил продать его после того, как узнал от меня, что ты ищешь машину. К тому же, его родственники зовут переехать к себе за границу. Борисыч и говорит, что хлопотно машину туда переправлять. Там, мол, этого добра и без того хватает.

– Почему, интересно, он решил продать машину именно мне, да ещё так дёшево?

– Я же говорю тебе: странный он. Может, устал он этого бремени: нужно ухаживать за такой дорогой игрушкой, лелеять её, беречь от всего, смотреть, чтобы не угнали...

– Не очень-то убедительно.

– Ну почему? Это, знаешь, как ещё посмотреть...

– Знаешь что? – перебил его Алексей.

– Что?

– Давай-ка, пошли отсюда, – решительно засобирился Мельников, разом передумав покупать этот автомобиль. – Пошли-пошли. Не нравится мне всё это.

На пороге возник Борисыч в цивильном костюме, сидевшем на нём словно с чужого плеча. Так бывает, когда человек внезапно, вдруг, худеет и одежда на нём смотрится явно великовато.

– В общем это... Борисыч, – замямлил Алексей, подбирая слова, чтобы не обидеть хозяина, у которого они отняли время. Борисыч, почувствовав неладное в перемене настроения покупателя, вмиг погрузился, печально заморгал, втянул голову в плечи.

– Борисыч! Чего ты так долго? – взял инициативу в свои руки Павел. – Поедем уже, давай! У меня ещё дела кое-какие сегодня. Лёха, запарил ты меня, честное слово!!

Мельников на этот раз сдался окончательно и махнул рукой. Борисыч, видя, что сделка всё-таки не отменяется, моментально повеселел. Он любезно, даже по-холуйски, открыл перед друзьями двери машины, усадил их. Потом сел за руль, и Мерседес выехал со двора.

Оформление купли-продажи автомобиля прошло достаточно быстро и без проволочек. Мерседес ожидал на стоянке. Борисыч передал ключи новому хозяину.

– Ладно, поехали мы, – сказал Алексей Борисычу и собирался уже сесть в машину, в которой нетерпеливо ёрзал Павел.

– Подожди, послушай... – потянул Мельникова за рукав Борисыч, как будто бы вдруг вспомнив что-то важное.

– А..? – отозвался Алексей. – Что, передумали? Хотите расторгнуть сделку? Ещё не поздно, если будете настаивать, я не буду возражать. Что я – не понимаю?

– Нет, – отрицательно замотал головой Борисыч. – Ну... Как бы это тебе объяснить, мон шер? Понимаешь, я... В общем, я виноват перед тобой. Ты этого не заслуживаешь, наверное. Но... Нет, я не то хочу сказать, – Борисыч говорил сбивчиво и непонятно. По его лицу струился пот. Он вытащил мятый носовой платок, вытер лоб, снял и затеребил в руках кепку. – В общем, это, мон шер, – губы его запрыгали, на глазах выступили слёзы. – Господи, да что же это?! Знаешь, это не я, если честно!.. Нет-нет, что это я говорю?! Это я, это я, только я! – Борисыч зажал на секунду ладонью рот, испугавшись за свои слова, потом сказал плаксиво:

– Прости меня, парень. Ладно?

– За что?

– Прости... – Борисыч не стал вдаваться в подробности и поплелся восвояси.

– Борисыч! – окликнул его Мельников. – Может подвести?

Бывший владелец Мерседеса отмахнулся и, не оглядываясь, прибавил шаг.

– Псих, – сделал заключение в отношении него выглянувший из машины Павел и pokrутил пальцем у виска.

– Да, папа, повезло же тебе! – двенадцатилетний сын Димка развалился на переднем сиденье и восхищенно шарил глазами по салону Мерседеса.

– Повезло, это точно, – согласился Алексей. – Спасибо дяде Паше. Если бы не он, то и не купили бы мы эту машину.

– Дядя Паша у нас шустрый, – сделал вывод Димка.

– Иногда, даже слишком.

– Твой дядя Паша, сын, хороший человек, – в машину села Люба. – С братом мне повезло. Другой бы на его месте купил машину себе, а потом перепродал бы за огромные деньги.

– Да здравствует дядя Паша! Ура! – закричал Димка, приветствуя припозднившегося Павла.

– Сдрасьте, родственнички! – Павел сел в машину, хлопнул в своеобразном приветствии несколько раз своими ладонями ладошки племянника.

– Ну вот, все в сборе. Можно и ехать, – сказала Люба. – Свёкру не нравится, когда гости опаздывают. Уже пол-одиннадцатого, а мы обещали приехать в двенадцать. Ещё ехать часа два. Так и опоздаем на день рождения к старику.

– Не опоздаем, – возразил Алексей. Это на автобусе два часа ехать, а мы на машине.

– Да еще на какой! – радостно вставил Димка.

– Даже если и опоздаем, то не на много, – Алексей хотел уже было завести машину.

– Погоди-ка, Лёша, – остановила его Люба. – Эй, малышня, марш на заднее сиденье!

– Я уже не малышня, мама, – надул губы сын, – уже ростом с тебя. К тому же, впереди можно ездить с двенадцати лет.

– Ну, сынок, – извиняющимся тоном попросила мать. – Дай мне впереди посидеть. Ты с отцом всё равно чаще ездить будешь.

– Дим, уступи место даме. Айда ко мне, – весело позвал Павел. – Я тебе такие анекдоты расскажу, задохнешься от смеха.

– Ладно, но с условием. Ты, папа, дашь мне порулить немного.

– Сын, я ещё сам к машине не привык, а ты уже порулить просишь. Да и не положено, водительских прав у тебя нет.

– На «шестерке» так давал, когда на рыбалку ездили!

– Ну, это ж на «шестерке»... Ладно-ладно, не обижайся, немного дам. Но только по проселочной дороге.

– Йес! – Димка обрадовался и поменялся с матерью местами.

– Поехали, ключ на старт! – дал команду Павел.

С лица неизбалованного хорошими автомобилями Алексея не сходила довольная улыбка. Он наслаждался от процесса вождения. За окном мелькали поля и населенные пункты. Любе, казалось, тоже нравилось ехать на шикарной машине. На заднем сиденье возились Павел и Димка. Павел смешил племянника анекдотами и веселыми историями.

– Слушай, папа, а наша машина до ста пятидесяти разгонится?

– Легко сынок.

– А до двухсот?

– Думаю, что без труда.

– А до двухсот пятидесяти?

– Не провоцируй папу, Дима. Пусть едет спокойно. Не отвлекай его и не приставай с вопросами. Вот к деду с бабушкой приедем, им и надоедай, спрашивай о чём-нибудь.

– Да о чём их спрашивать-то? Они ничего не понимают в машинах.

– В машинах, может быть, и немного понимают. Но зато о чём-то другом знают побольше тебя.

Димка отмахнулся от матери и вновь переключился на Павла.

Глава 4

За столом было многолюдно. Собрались родственники, друзья и близкие пожилого человека, отмечавшего свой день рождения. Несмотря на прожитые годы, Михаил Антонович Мельников был достаточно бодрым, пребывал в здравом уме. Оптимизма и хорошего расположения духа ему было не занимать. Он пользовался всеобщим уважением в своем небольшом городке.

На своём дне рождения старик был во главе стола. По одну руку от него сидела пожилая и заботливая жена, по другую брат, такой же, как и он пожилой человек, но более с виду серьёзный. В квартире было по-стариковски скромно, без излишеств, но чисто и уютно. На стене под рамками висели фотографии – свидетели жизненного пути Михаила Мельникова и его семьи. На одной из фотографий он, тогда еще одноногий мальчишка, вместе с братом Николаем в партизанском отряде. Худые мальчишки с автоматами наперевес среди партизан с любопытством смотрят в объектив.

– Ну что, споем? – предложил дед Николай.

– А чего бы и не спеть? – весело отозвался брат-именинник. По рядам пошёл старенький аккордеон и оказался у него в руках. Заскоружные пальцы пробежались по клавишам. Комнату наполнили знакомые всем мелодии. Пели про смуглянку-молдаванку, про холостых парней, которых так много на саратовских улицах, про замерзающего в степи ямщика, про любовь к жизни, и про то, как Стенька Разин выплывал на стрежень. В общем, те песни, которые знают в каждой российской семье и трогающие сердца своей задушевностью.

За окном сгущались сумерки. Кто-то произнёс последний тост, после которого гости, уважив в этот день старика особенным вниманием, стали расходиться. Мать Алексея распределила, кто и где из родственников будет ночевать.

– Бабушка, – сказал ей Димка, – а папа будет спать в машине, чтобы её не украли.

– Этого еще не хватало, – рассердилась она. – Где же это видано – сын приехал, а его в машину ночевать оправляют! Что про нас люди скажут?

– Да, мама, вы уж не обижайтесь с отцом, спать буду действительно в машине, – сказал Алексей. – Машина дорогая. А сейчас угонщикам никакая сигнализация не помеха. Жалко будет, если угонят.

– Ты что же, сынок, теперь всё время будешь в своей машине спать? – не унималась мать.

– Ну, не всё время, конечно. У меня же дома гараж есть в кооперативе, сдаю под охрану...

– Всё равно как-то неправильно это.

– Да ничего, высплусь. В машине уютно, есть кондиционер, музыка.

– Папа, а можно я с тобой? – спросил Димка.

– Нет уж! Хватит с меня одного фанатика, – не выдержала Люба. – Ты, Дима, останешься в квартире и будешь спать здесь. Лёша, если уж так решил, то пусть ночует в машине. Я уже тебя скоро ревновать буду к ней.

– А я вот, между прочим, не хочу спать в машине, – отозвался заплетающимся языком захмелевший Павел.

– А тебя, между прочим, я и не зову, – сказал Алексей.

– Нахал, – безобидно заметил шурин.

– Ну что с вами делать, молодёжь? Ладно уж иди, сынок. Только подушку с одеялом захвати, вздохнула мать.

Алексей в приподнятом настроении вышел из родительской «хрущёвки», во дворе которой под кроной большого дерева стоял его автомобиль. Сел в машину, достал диск, вставил в проигрыватель. Развалившись в кресле, какое-то время смотрел фильм. Быстро устав от просмотра бесконечной стрельбы и выяснения отношений между киногероями, перешел на про-

слушивание музыки по радио. Вскоре и это занятие ему наскучило. Он решил, что пора бы уже поспать, откинул назад спинку кресла, подложил под голову небольшую подушку. Глаза постепенно стали слипаться, веки потяжелели. Машина, окутанная темнотой, стояла в тишине, лишь сверчки переговаривались унылыми трелями...

Вдруг в машине стало светло – сам по себе зажёгся плафон. Алексей, еще не совсем погрузившись в сон, сощурил глаза. Он потянулся к выключателю и погасил свет. Через несколько секунд плафон загорелся снова. Алексей щёлкнул выключателем. Но вскоре всё повторилось, и салон осветился светом. Алексей открыл глаза, полежал так некоторое время, обдумывая ситуацию. Принять какое-то решение помешало разложенное кресло, на котором он спал. Спинка вдруг самовольно поднялась до сидячего положения.

– Что за чёрт, – пробубнил Алексей и на всякий случай заглянул назад. Никого не обнаружив, вернул спинку в горизонтальное положение, щёлкнул выключателем. Почти сразу же свет зажегся вновь, а спинка опять поднялась. Вдобавок ко всему на этот раз Алексей ощутил шлепок, как будто бы кто-то отвесил ему подзатыльник, от чего даже всколыхнулся хохолок волос на макушке. Алексей вздрогнул, обернулся назад, но там по-прежнему никого не было. Потянув ручку, попытался открыть дверь. По непонятной причине она не открывалась. Он сделал еще несколько неудачных попыток. Схватил брелок, стал нажимать кнопки. Быстро опустив стекло, попытался выбраться наружу. Неизвестная сила вернула его на место. Вне себя от ужаса Алексей ощутил, как ему стали наносить удары в живот, в грудь, по бокам. Он захотел закричать, но из горла вылетали лишь силые жалкие вопли. Если бы кто-то сейчас проходил мимо автомобиля, то наверное, мог подумать, что сидящий в ней человек сходит с ума. Сердце бешено стучало, по лицу струился пот. Стало плохо и его вырвало.

– Швайн! – ударил по ушам, откуда ни возмись голос. – Ты есть грязный свинья, за это тебе будет не карашо! Убирайт! Быстро!

Алексей вздрогнул и потянул за ручку. На этот раз дверь легко открылась. Он выскочил из машины и, шатаясь, медленно попятился от неё, затем бросился бежать к подъезду. Не добежав, упал, как будто ему подставили подножку. Чувствительные удары посыпались с новой силой.

– Швайн! Хотел сбежать? Получай!

Алексей привстал, но вновь был сбит с ног...

Очнувшись, он открыл глаза и почувствовал, что лежит на спине, а кто-то невидимый тащит его за ноги к автомобилю. Со стороны эта картина выглядела очень необычно: человек с приподнятыми ногами, лёжа на спине, самопроизвольно передвигается по асфальту. Из темноты появился шатающийся мужичок, возвращающийся с запоздалой пирушки. Он недоумённо посмотрел на происходящее и отмахнулся руками как от наваждения, но потом всё-таки любопытство взяло над ним верх и он склонился над Алексеем. Раздался характерный звук, и мужик, схватившись за ягодицы, пролетел несколько шагов. Что-то прокричав невнятное, он уполз на четвереньках в темноту.

– Встать! – прозвенело над ухом Алексея. – Убирай в машине! Шнеля!

Алексей поднялся. Затравленно всматривался в темноту, но ничего не видел. Ощутил грубый толчок в спину. Подойдя к автомобилю, вздрогнул – багажник, лязгнув замком, неожиданно открылся. Взяв тряпку и пластиковую емкость с водой, стал убирать в салоне. Навёл относительный порядок. Голова ничего не соображала, даже отказывалась это делать.

– Сядь в машину! – приказал невидимка, уже более спокойно.

Алексей повиновался. Чтобы унять дрожь в коленях, зажал их ладонями. Вдруг включился приёмник. В динамике после недолгого выбора мелодий заиграл немецкий марш времён второй мировой войны. Когда бравурный хор немцев исполнил несколько куплетов, громкость убавилась.

– Слушай меня внимательно, – напомнил о себе жесткий голос с немецким акцентом. – Отныне ты есть мой раб, потому что я так захотел. Чтобы ты кое-что понял, я расскажу тебе одну историю.

Звук в приёмнике убавился, и салон заполнился голосом, хозяин которого продолжал оставаться невидимым.

– В 1943 году я был немецким офицером Куртом Зибертом, – начал свой рассказ невидимка. – Наша пехотная дивизия дислоцировалась в здешних местах. Однажды мне поручили отвезти важные документы. По дороге я сжалился и подобрал двух замерзающих мальчишек, которые своеобразно отблагодарили за проявленное милосердие и вскоре застрелили моего водителя, а потом и меня. Что случилось дальше – этого понять не возможно. Казалось, что я покинул своё истерзанное тело, по крайней мере, я наблюдал за ним со стороны.

Сначала было очень странно находиться в таком состоянии. Боль куда-то пропала, было легко и необычно. Я подумал, что, может быть, я не умер и должен вернуться в свое тело, но не смог этого сделать, – голос на несколько секунд умолк, а потом невидимка продолжил свой рассказ. – Я очень сильно переживал. Но постепенно привык к своему состоянию. Даже нашёл это забавным. Отныне не нужно было заботиться о пище, о сне, о других земных потребностях. Я – никто, меня нет, и в то же время по каким-то неведомым законам я существую...

Это, наверное, неправильно. Я тогда был уверен, что застряв между миром живых и миром мертвых, несу наказание за свои грехи. Я полагал, что прохожу чистилище перед тем, как уйти в загробный мир, куда мне пока дорога закрыта... Самое интересное, что у меня осталась способность передвигать предметы и сохранилась возможность думать. Но происходило это как-то по-другому. Мои мысли отныне рождались не в той мёртвой голове, которая лежала передо мной на холодной земле, а как-то загадочно по-другому...

В скорби и печали я находился возле своего тела, которое служило теперь кормом для диких животных и мерзких птиц. Но вскоре появились страх и тревога. И я уже больше не мог находиться на месте своей кончины. Я слонялся по окрестностям, заходил в деревни и города, но уходить далеко из этих мест не хотел.

У меня было и есть желание понять, почему я стал таким. Я думал, что скоро встречу таких же, как сам призраков и мне после общения с ними кое-что станет понятно. Но так никого и не встретил. Как видимо, я одинок в своем положении. Быстро пролетало время, оно теперь не властно надо мной. Я много думал и не замечал, как на смену зимам приходили вёсны, как зеленела трава и светило солнце. Пение птиц и какие-то другие земные радости и потребности, когда-то волновавшие меня как человека, теперь не трогали. Потеряв счет дням, и застыв на целые годы где-нибудь в лесу или в чьем-то доме, оставаясь невидимым и не привлекая к себе внимания живых, я думал и думал, но так ничего и не понял. Может быть, действительно, я понёс небесную кару за какие-то грехи. Но за какие? За время войны я не убивал людей, мне по долгу службы не нужно было этого делать. Тогда почему Всевышний позволил случиться тому, что кто-то убил меня? Хотя, конечно, шла война... И чем больше я размышлял, тем больше запутывался. Однажды в поисках ответа, я забрел в церковь и пытался разговорить священника. Но тот, услышав меня, был испуган до полусмерти, и я уже пожалел, что этот человек, возможно, навсегда потерял рассудок.

Не найдя ответов на свои вопросы, я время от времени отрывался от мрачных мыслей и тогда начинал что-то делать, как мне казалось, добрые дела, чтобы Бог простил меня и дал успокоение. Но мои усилия чаще всего пропадали даром. Я только обозлился, осознав безвыходность своего положения...

...Полковник Вельц, услышав вернувшегося Фидлера о поломке мотоцикла, на котором ехала охрана, вышел из-за стола, пришёл в ярость и едва не испепелил взглядом докладчика.

«Опять этот проклятый австрийский лавочник обер-лейтенант Франц! Его непозволительная безалаберность не знает границ! Сломался мотоцикл?.. Кто, в конце концов, отвечает за транспортное обеспечение? Если техника ломается в неподходящий момент и не в боевых условиях, то это называется однозначно халатностью! Не дай бог, если эта поломка приведёт к непоправимым последствиям! И тогда этому Францу (забери его в преисподнюю, дьявол!) не поможет никто – ни командир дивизии, ни влиятельный родственник, ни даже сам фюрер! Отправлю его в первый же бой на передовую! В окопы к свирепым иванам! Пусть они выпустят кишки этой самодовольной свинье!..»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.